

18+

Юрий Меркеев

НЕРАЗМЕННЫЙ КОТ

Сборник рассказов

Юрий Меркеев
Неразменный кот.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577202

ISBN 9785448398810

Аннотация

Это сборник рассказов, большинство из которых написаны от первого лица. Часть рассказов связаны с воспоминаниями о работе в психиатрической клинике. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Тихая Серафима	5
Память	9
Неразменный кот	12
Преображенный Николай	14
Самоволка	20
Безотказная Верочка	30
Коммерческая жилка	32
На святочной	34
Миссия	37
Совестливая чупакабра	41
Вор в медицинском учреждении	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Неразменный кот

Сборник рассказов

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2020

ISBN 978-5-4483-9881-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихая Серафима

Она начинала собираться всегда в одно и то же время – за сутки до Рождества. Сначала ей приносили зеркало, которое запрещали держать при себе в палате, и Серафима приводила в порядок лицо. Потом надевала серое вязаное платье, закалывала волосы, и вертелась у серебристой амальгамы, словно девушка перед первым свиданием. Морщины исчезали, точно по волшебству, тихая печаль в глазах и уголках губ сменялась искренней детской радостью. Старушка преобразалась, становилась похожей на ангела – тихая, улыбчивая, светлая, с большими слезящимися глазами.

Санитарки несли ей из приемного покоя зимнюю шубу и сапоги, а она, складывая личные вещи из тумбочки в узелок, тихо приговаривала:

– Сегодня он приедет на машине и заберет меня. Николай мой хороший. Золотой зять. У него своя машина. С дочкой приедут и отвезут меня в деревню. Не хочу я умирать в городе. Хочу ближе к родителям.

Вокруг девяностолетней Серафимы Ивановны начиналась суета, а ей это нравилось потому, что в полдень за ней должен был приехать любимый зять, и отвезти ее на родину.

Кроме нее, в палате лежали трое: все инвалиды по органическому заболеванию головного мозга. Почти и не говорящие. Серафима Ивановна прощалась со всеми, как с род-

ными, расцеловывала санитарок, медсестер, врачей и выходила в коридор... ждать.

За окнами с решетками выюжило, в больнице было тепло, но пахло не мандаринами, а карболкой. Украшенная елка свисала с потолка вниз головой – задумка заведующего отделением.

Проходил час-другой. Никто не звонил в дверь клиники, зять не приезжал. Серафима Ивановна растерянно улыбалась и начинала оправдывать Николая:

– Ну, знаете, мало ли что? Может быть, на работе задержали? Он ведь на ответственных должностях. Он добрый. Переживает, поди, больше меня. Задерживается. А дочка без него не приедет. Они у меня хорошие. В церкви на Рождественской венчались.

Ближе к вечеру санитарка уговаривала старушку раздеться и прилечь отдохнуть, та соглашалась. Серафиме Ивановне делали успокаивающий укол, и она погружалась в сон. А во сне улыбалась. Возможно, видела, как ее зять приезжает за ней на машине и увозит на родину.

Когда дежурил заведующий отделением, он пояснял молодым врачам:

– Каждый год накануне Рождества в ней срабатывает какой-то странный механизм включения памяти. Вот уже несколько лет. В один и тот же день. Не могу объяснить. Несколько лет назад в это время года ее привез сюда на машине зять Николай. И попросил на время принять старуш-

ку, потому что она стала обузой в семье, забывала закрыть дверь, несколько раз чуть не сожгла квартиру, газовые конфорки опять же. Старческая деменция, маразм. Чтобы больная не противилась, Николай этот пообещал старушке, что заберет ее накануне Рождества и отвезет на родину, как она хотела. Прошел год-другой. Потом мы узнали, что вся их семья попала в автокатастрофу. Не выжил никто. Забирать старушку некому. Рассказать правду пытались, да она руками машет. Не слушает. Говорит, что зять ее золотой человек. Что он приедет и увезет ее. И так с ней происходит уже много лет. Мы уже привыкли. Санитарки жалеют Серафиму. Наступает канун Рождества. Она просыпается первая, начинает петь, улыбаться, просит принести зеркало. Готовится к приезду зятя. Тихая она. Хоть и зовут Серафима, огненная то есть. Нет, тихая. Утром проснется после укола, ничего не помнит. И так весь год.

Однажды Серафима не проснулась в палате, а пробудилась в ясном и ласковом месте, залитом солнечным светом, счастливая от того, что к ней пришел Николай. Зять..? Это был не зять. А если зять, то уж как-то волшебным образом он посветлел лицом, волосы его стали белыми, борода седая. Постарел. Он улыбнулся и повел старушку Домой – как она и мечтала. «Святой,» – шептала старушка. – " Святой Николай.»

Санитарка, первая обнаружившая покойную Серафиму,

тихо перекрестилась и прошептала: «Отмучилась, бедняга. С улыбкой умерла. Знать, принял Господь ее душу».

Память

Она подходила ко мне тихо и незаметно, как призрак, и начинала рассказывать. Глаза ее, почти всегда увлажненные, светились радостью. Когда-то они были наполнены цветной радугой, теперь поблекли от долгих лет жизни и полиняли от многих слез и болезней. Валентина Сергеевна умирала. Она знала о том, что умирает, но постоянно забывала об этом и поэтому... жила. Я снимал у нее комнату, будучи студентом.

Забывала она почти сразу и о том, что она ко мне уже подходила, вежливо извинялась, улыбалась и произносила одно и то же – как под копирку:

– Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

И начиналась длинная повесть о том, как в музее к ней однажды подошел офицер и сказал, что она «зажгла в его сердце революцию», а потом были какие-то поезда, и офицер ехал с ней в одном вагоне и вышел на станции, чтобы купить для нее соленые огурцы и отстал от поезда...

Таких историй о влюбленностях было всего пять-шесть, но Валентина Сергеевна их досконально помнила, несмотря на прогрессирующую болезнь и почти столетний возраст. Старушка забывала даже о том, поела ли она, приняла ли лекарство, покормила ли кота, только с моей подсказки вспо-

минала, как зовут домашнего любимца, путала числа, предметы, людей, но одно в ее памяти оставалось неизменным – истории о влюбленностях. Последней была ее встреча с будущим мужем, с которым они прожили долгую счастливую жизнь. Молодой лейтенант только вернулся с фронта и пришел на телеграф, где работала Валентина Сергеевна. И увидев ее, тут же сказал, что она станет его женой. Так оно и вышло впоследствии. Каждый день он дарил ей цветы, а по воскресным вечерам они ходили в ресторан и танцевали. И музыка... да, музыку она помнила... напевала... что-то похожее на танго. И плакала от радости, как ребенок. Потом благодарила меня за то, что я выслушал ее, и уходила. Но через час-другой уже «воскресала» передо мной с робким и вежливым выражением лица и произносила:

– Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

Это продолжалось не день и не два. Почти год забывшая о своей смерти квартирная хозяйка рассказывала мне одну и ту же повесть, которую я уже знал наизусть. Поначалу меня раздражало это, я иногда повышал голос и просил на время оставить меня. Объяснял, что знаю всех ее возлюбленных наизусть, что она уже тысячу раз рассказывала мне об этом, что она, наконец, мешает мне готовиться к сессии. Валентина Сергеевна извинялась, уходила, едва сдерживая слезы. Я провожал ее худенькую сгорбленную фигурку в халате сочувственным взглядом, однако проходило еще полча-

са, и она появлялась передо мной совершенно преображенная, вежливо извинялась и говорила:

– Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала...

И я уступал и слушал. Или делал вид, что слушаю.

Старушка умерла накануне Нового года. Ее тихо похоронили.

Я продолжал готовиться к сессии. Иногда засиживался над учебниками допоздна. Дремал, уронив на стол голову. Забывал покормить кота, не всегда вспоминал, как его звали. Учеба и напряжение подрывали мою память. Она отчетливо работала в одном, но в другом давала сбои.

Иногда я забывал, что моя квартирная хозяйка умерла, и тогда слышал, как она в очередной раз трогает меня за плечо и вежливо обращается:

– Простите меня, Андрей, я ведь вам не рассказала, как в меня был влюблен один офицер...

Неразменный кот

У меня есть черный кот. Но нет денег. С котом мы ютимся в одной маленькой квартирке на уважительных началах. Иногда я ласково беру его за уши и окунаю мордой в миску с супом, который «его величество» не желает есть. И обеспечиваю себе, как минимум, полчаса тишины. Домашний террорист перестает выть и начинает усердно вылизывать свою шерстку. Кота я люблю. По-своему. Он меня тоже любит по-своему. Если бы я вдруг стал маленьким, как мышонок, кот с большим удовольствием меня бы скушал, но прежде изощренно надо мною поиздевался бы. Кажется, мы оба понимаем, на чем держится наша взаимная любовь.

Итак, у меня есть черный кот, но нет денег. На днях я прочитал, что можно получить неразменный рубль с помощью черного кота. Для этого необходимо отправиться в Рождественскую ночь на распутье дорог, одна из которых ведет на кладбище, стиснуть посильнее руками домашнего питомца; он начнет кричать, на его крик появится некто, который будет этого кота торговать. Этот некто станет предлагать баснословные суммы. Нужно проявить выдержку и попросить только один рубль. Он-то и будет неразменным. То есть его можно использовать в покупках хоть тысячу раз – рубль все равно вернется к хозяину. Таким образом, я смогу вылезти из долгов и начать свое дело. Скажем, организую книжное

издательство.

Сегодня я думал об этом. Представил счастливую жизнь с деньгами, процветающим бизнесом и без кота. Без моего черного кота, к которому я привык, как привыкают к яду. Кто будет забираться ко мне на руки, когда я вечером захочу почитать и подремать в кресле? Кто будет уютно тархтеть всем своим лукавым существом, устраиваясь у меня на коленках? Кто будет считать меня небожителем и прощать все мои нервные срывы? Кто будет умилительно наивно думать, что весь мир, и я в том числе, вертимся вокруг его эгоцентричной персоны? Кто, наконец, будет терпеливо выслушивать мои черновые наброски к романам? Нет. Человек не способен на это. Только кот.

Взвесил я все это и решил, что мой черный кот неразменный. Не поменяю его на неразменный рубль.

Преображенный Николай

Коля стоял у церкви с протянутой рукой. Прихожане к нему давно привыкли. Кто денежку подаст, кто продукты. Люди знали, что все поданное Николай пропъет, но все ж давали. Жаль было беднягу.

Недалеко от церкви находилась городская свалка. Иногда на время Николай исчезал и несколько дней проводил среди людей, близких ему по духу.

После визитов в мир свалки Николай всегда возвращался в церковь – грязный, небритый, опухший, нередко с синяком под глазом, но всегда очень смиренный и жалкий. Через два-три дня Коля поправлялся, приводил себя в более-менее приличный вид и надолго прибивался к церкви, до тех пор, пока живущий в нем бесёнок бродяжничества вновь не тащил его на свалку.

Из прихожан и работников церкви больше всех опекали его старушки. Очевидно, глядя на жалкого бродягу с наивным доверчивым лицом, в женщинах подспудно просыпался материнский инстинкт, и они, забывая о том, что Коля уже давно свyksя с образом жизни бродяги и нищего, опекали его как «сына полка», как приёмьша, который нуждался в усиленном внимании и заботе. Но и Коля как будто понимал и стремился в их глазах выглядеть лучше. Женщины не успевали и рта раскрыть, для того чтобы попросить Колю

в чём-то помочь – вылить из вёдер помои, вынести мусор, подмести двор, – как он уже торопился прилежно исполнить дело. Видимо, ещё и за это Колю жаловали в церкви, кормили его. И даже отец-настоятель Василий не скрывал к нему своего доброго расположения.

В храмовый праздник, на майского Николу, бездомного пригласили в трапезную, поздравили, усадили за общий стол. Николай вёл себя прилично и с благословения отца Василия, отныне стал трапезничать в церкви вместе со всеми. Староста Валентина нахваливала его за трудолюбие, за то, что он стал ухаживать за своей внешностью: регулярно умывался, чистил зубы, стирал свои старенькие поношенные вещи. Всем прихожанам церкви было радостно наблюдать за преображением Николая. Все видели благостное, почти чудотворное воздействие на бездомного церковной жизни. В короткое время Коля поправился, отпустил животик и стал растить аккуратную рыжую бородку. Вскоре его было трудно узнать. Из жалкого грязного попрошайки он превратился в благообразного мужчину, которого не знавшие его люди иногда принимали за дьякона или священника. Староста Валентина, с особенным умилением смотревшая на преображение Николая, теперь разрешала ему оставаться ночевать в церкви.

Прошёл месяц с начала благотворных перемен, однако что-то в процессе преображения Николая сбилось. Сначала он перестал выносить помои из трапезной, важно заяв-

для женщинам, что Господь сотворил мужчину не для подобных мелких забот, что «женщина есть производное из ребра Адама», и она была проклята за сорванное в раю яблоко, и обрекла себя на подчинение мужчине. Бабушки, опекавшие Колю, были так изумлены его важным речам, что не посмели ему перечить, увидев, кстати, что и обликом своим он теперь напоминал не какого-нибудь бродягу, а вполне себе православного прихожанина. Николай быстро вживался в новую роль. Иногда он повышал голос на трапезных работниц, указывая им на плохо прожаренное мясо, на несвежий хлеб, на неаккуратно вычищенную картошку. И все это, как ни странно, сносилось безропотными женщинами, вызывая в них безотчётный страх и благоговение перед преобразившимся Николаем.

Наконец, он стал раздавать советы некоторым из молодых прихожан в вопросах бытовой, семейной и даже духовной жизни.

Как-то раз в церковь зашла молодая пара, для того чтобы поговорить с кем-нибудь из знающих людей по поводу предстоящего венчания. Отец Василий был наверху, в молельном зале, где служил панихиду. Молодые люди заметили сидящего на скамеечке важного рыжебородого Николая, который в очередной раз отчитывал нерадивых трапезных работниц. Они решили, что так может выглядеть только духовное лицо и, немного смущаясь, подошли к Николаю, не зная, припадать ли к его руке или обойтись уважительным поклоном.

– Что вам угодно? – строго спросил Николай.

– Мы бы хотели узнать, когда у вас можно обвенчаться, – робко спросила девушка, а красный как рак юноша зачем-то полез в карман за бумажником и протянул сотенную купюру.

– Это на храм, – пряча глаза, пробормотал он.

– Значит, венчаться хотите? – спросил Коля, аккуратно складывая сотенную бумажку и пряча её в карман. – Что ж, это хорошо... хорошо... Венчаем в среду, пятницу и воскресенье. Нужно купить венчальные кольца и икону, которой вас будут благословлять родители.

– И всё? – радостно спросила девушка.

– Что же ещё? Ах да! Принесете тысячу рублей. Оплату произведете в день венчания. Ещё есть вопросы?

– Нет, – попяtilись к выходу молодые люди. – Бог спасёт.

Вся эта сцена происходила на глазах у старосты Валентины, которая направлялась в трапезную из молельного зала и случайно застала Николая за его наставлениями молодым. «Вот тебе и Коля-бомж, – подумала она. – Вот тебе и преображение...».

Когда отец Василий отслужил панихиду и спустился вниз, к нему подошла Валентина и рассказала обо всём, что только что увидела.

Отец Василий, несмотря на кротость и добродушие, в праведном гневе был неукротим. Он схватил оторопевшего Николая за шиворот и вытолкнул его за церковную ограду, попросив сторожа проследить, чтобы тот как минимум неделю

не появлялся у церкви.

– Пустим, когда поймёт, за что изгнан, – прошептал разгневанный отец Василий. – И покается.

Что оставалось делать ошарашенному Николаю, который поначалу даже не понял, за что его подвергли такому унижению, выставили прилюдно за шиворот из храма? Конечно, омыть своё горе вином, тем более что в кармане его рубашки приятно хрустела «заработанная» им сотенная. В общем, Коля пропал, очевидно, отправившись к своим друзьям на свалку.

Появился он через три дня – грязный, побитый, исхудавший, в порванной рубахе и совершенно пьяный, в обществе опухшей, едва державшейся на ногах дамочки, похожей на существо третьего рода, ибо узнать в ней женщину было решительно невозможно. Парочка демонстративно продефилировала перед церковной оградой несколько раз. Остановившись напротив церкви, Николай гордо воскликнул, едва не уронив свою подругу:

– Эй, братья-славяне, смотрите, как я гуляю! У меня жизнь вольная, не то, что у вас.

Прошло ещё несколько дней. У церковных ворот вновь появилась жалкая исхудавшая фигура со смиренно протянутой за подаянием рукой. По робкому выражению глаз, раболепной позе трудно было представить, что ещё неделю назад «преображённый» Николай командовал в церкви точно

настоятель. Отец Василий, смягчившись, выслушал его покаянную исповедь и позволил ему кормиться подавниями. Смягчились и женщины, которых Коля поругивал за плохо прожаренное мясо, и стали иногда пользоваться его услугами, а он на лету хватал просьбы вылить из вёдер помои или выбросить мусор и торопился их прилежно исполнить.

И было во всем этом что-то постоянное, как сама жизнь.

Самоволка

Курсантская жизнь давалась Олегу тяжело. По причине бунтарского нрава юноша не вылезал из внеочередных нарядов. Обыкновенно утреннее или вечернее построение начиналось с того, что низкорослый картавый старшина роты Ситный вызывал Олега из строя и объявлял количество старых или вновь заработанных нарядов.

– Куг’сант Гапонов! – кричал на построении старшина. – За систематическое на’гушение дисциплины объявляю вам т’ги на’гда вне оче’геди. Чтобы гальюны в готе блестяли!

Обычно после хлесткой команды насчет гальюнов из глубины строя чей-то шутовской голос на манер тирольских пастухов затягивал:

– Пи-и-ва, пи-и-ва, пи-и-ва хочу!

Это был сигнал к общему смеху. Пережив волну нервного напряжения, рота начинала хохотать, нарушая строй и порядок. Ситный срывался вдруг с места, подбегал к левому флангу, откуда доносилась «пивная тирольская», прислушивался, приглядывался, принюхивался к строю, затем закладывал руки за спину и прохаживался взад-вперёд, внешне удивительно похожий на французского комика Луи де Фюнеса; потом резко поворачивался к роте лицом и кричал:

– Гота, говняйсь! Сми’гно! У вас что, това’гищи куг’санты, залипает? Да? Залипает? – И он снова переносил свой

гнев персону юного бунтаря. – Куг’сант Гапонов, я вам го-га-то пообломаю! Ясно?

– Так точно, ваше... сродие! – под дружный хохот курсантов кричал тот в ответ, а Ситный от дерзости подчиненного покрывался бурыми пятнами.

– Пи-и-ва, пи-и-ва, пи-и-ва хочу! – снова пела таинственная тирольская кукушка, и тут уже сам Ситный не выдерживал и начинал подёргиваться от приступов заразительного веселья.

Тогда рота распускалась либо на утреннюю приборку, либо на отбой.

Заканчивалась осень. Бабье лето прошелестело тихими и занудливыми, как ревматическая боль, дождями и упёрлось в холодный сухой октябрь. В середине месяца стало чаще проглядывать солнце, но тепла уже не было. К ноябрю наступили первые заморозки. Небо побелело и взметнулось ввысь. Оголившиеся деревья застыли в немой мольбе к далёкому нежаркому светилу. В воздухе появились вирусы межсезонной ностальгической хандры.

В такие дни на Олега обычно нападала ничем не объясняемая тоска. Его тяготили люди, в особенности те, с которыми он вынужден был разделять казарменную курсантскую долю. Юноше была противна нарочитая беспечность и пошлая весёлость одногодок, пульсирующая с особенной силой в курилках, где курсанты травили себя никотином и надуманными циничными историями о плотских утехах, передаваемыми

ми заводилами с большим размахом и откровенностью. Он переносить не мог в такие дни строевых занятий на плацу, самоподготовок и прочих коллективных мероприятий, рассчитанных на подавление внешней свободы.

После бабьего лета его таинственным образом тянуло в самоволки. Убежать из училища или казармы большого труда не составляло. В запасе у самовольщиков было несколько проверенных путей. Одним из них был выход через кочегарку, которая отапливала корпуса морского училища.

Перемахнув с помощью шлаковой кучи через высокий каменный забор, юноша оказался в тёмном переулке, и чтобы обезопасить себя от глаз патруля, аккуратно срезал перочинным ножом с левого рукава бушлата шеврон и две нашивки. «Завтра с утра перед построением и разводом на наряд верну всё на место», – подумал он, осторожно пробираясь в сторону конечной остановки трамвая. Вскоре, однако, Олег передумал ехать на транспорте и пошёл по ночному городу пешком.

На улице было темно. Луна напоминала слезящийся взгляд простуженного больного. Ветра не было, однако день был морозный, и изо рта выходил пар. Подняв воротник бушлата, Олег ускорил шаг. В ночные самоволки он отправлялся не ради встреч с родителями, с которыми находился в ссоре, а ради упоительных часов, проводимых с замужней женщиной Алиной. Муж ее сидел в тюрьме за хулиганство, и женщина, истосковавшаяся по плотской любви, позволя-

ла Олегу, вчерашнему школьнику и безусому юнцу, упиваться теми запретными наслаждениями, которыми богата тёмная сторона жизни. Помрачение это началось у юноши после конфликта с отцом, который попытался воспитать сына дедовским способом – через рукоприкладство, и неожиданно получил отпор крепкого, молодого и своенравного существа. Конфликт закончился короткой свалкой и хлопаньем дверью с обещаниями больше никогда не переступить порог родного дома.

Уже два месяца прошло с того дня, когда Олег последний раз видел отца и мать. За это время гнев его остыл, сменив раздражение на тихую ностальгическую ломоту в душевных суставах. С одной стороны, юношу тянуло к Алине, к женщине, с которой, как ему казалось, он становился опытнее, мудрее и старше; которая открывала новые горизонты в жизни, пробуждая в юноше зрелость мужчины и отчаяние дремлющего в каждом молодом человеке воина, готового отдать жизнь за несколько опьяняющих сладостных часов, проведённых с «Клеопатрой».

Но с другой стороны, Олег всё ещё был ребёнком, которого тянуло к родному очагу.

Сегодня противостояние между «ребёнком» и «воином» достигло своего апогея.

Олег думал о том, что утром, вернувшись в училище, он встретит на утреннем построении любопытные и завистливые взгляды однокурсников. Они напустят на себя ложный

опыт и цинизм и наперебой начнут травить придуманные истории о своём распутстве. Он думал о том, что, как всегда, не станет рассказывать о свидании с Алиной, потому что всё это казалось ему делом постыдным, пошлым и недостойным. И вообще, как можно было обсуждать с посторонними людьми детали своей личной жизни? И зачем? Для того чтобы показать себя достаточно взрослым циником, разочаровавшимся в первоизданной святости человеческого бытия? Чтобы надеть на себя маску «лишнего человека», готового бросить вызов любому порядку? Зачем?

В его своенравной бунтарской душе странным образом уживались два противоречивых начала: смутное желание разрушать и хрупкий огонёк романтичности, любви к поэзии, к легкой ностальгической грусти. Видимо, это и было противостоянием между «воином» и «ребёнком».

Алина жила с полуторогодовалым сыном в двух кварталах от его дома, поэтому Олегу пришлось проходить мимо родных стен. Дом, в котором он жил, был старинный, каменный, с барельефами мифологических героев древней Эллады, украшавшими фасад трёх этажей. Проходя рядом, он невольно замедлил шаг, будто хотел согреться у холодных стен каменного дома. Олег чувствовал себя бездомным псом, убежавшим на ночь из своей стаи.

Было за полночь. Окна чернели глазницами. И только на первом этаже центрального подъезда, там, где жила тихая скромная девочка Анютка, которую в детстве дворовая ре-

бятня нередко обзывала «цветком» или «цыплёнком», горел свет от настольной лампы. Тёплое янтарное освещение мягко золотило строгое окно, завораживая и притягивая взгляд. Что-то волшебное и сказочное было в этом освещении. Олег вытянул шею и засмотрелся. Если бы кто-то в этот момент случайно его заметил, то, верно, принял бы за сумасшедшего. Человек в черном бушлате напоминал голодного пса, который, облизываясь, смотрит туда, откуда исходят аппетитные запахи мясных блюд. Впрочем, его голод был по домашнему уюту. «Ребёнок» побеждал в осеннем противостоянии с «воином», так же, как вода побеждает камень. Ему почему-то ужасно захотелось заглянуть в это окно и увидеть лицо Анютки, прикоснуться взглядом к чистым, наивным, доверчивым чертам.

Осторожно приблизившись к окну, он схватился одной рукой за карниз, нащупал ногой выступ в доме, резко поднялся и заглянул туда, откуда исходил этот волшебный золотистый цвет. Конечно, Олег рисковал испугать Анютку и тем самым загнать свою тоску глубоко под кожу, однако чудачковатое желание было сильнее страха. Он увидел её, и что-то особенное вошло в его душу невидимыми лучами. Нежная светлоликая девочка сидела при свете настольной лампы и читала какую-то толстую книжку. Чёлка её светлых волос упала со лба и нежно касалась щеки. Олега настолько заворожила эта живая картинка – домашний уют, тихий и тёплый свет лампы, милое личико Анютки, её осмысленный со-

средоточенный взгляд, – что он простоял в неудобном положении секунд десять. Юноша не шевелился, будто боялся спугнуть новое, сладостно-щемящее чувство приятной лёгкой грусти.

Эти десять секунд были сравнимы с внезапным восхождением души в райские обители, с гипнозом, с наркотическим опьянением. В «ночное» курсанта гнала грубая животная страсть, а тут вдруг – живая картинка из чего-то тихого, уютного и родного, похожего на детское счастье.

Олег улыбнулся и, спрыгнув с окна, медленно побрёл назад в училище. Почему-то юноше вспомнились строки из стихотворения Пастернака: «Мело, мело по всей земле во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела».

К Алине юноша больше не приходил. Не хотелось. Друзья-курсанты грубо раззадоривали его, отпуская разного рода сальные шуточки, однако Олегу до них не было никакого дела.

В следующее увольнение, в которое в честь ноябрьских праздников были отпущены все желающие, включая таких бунтарей, как Гапонов, его потянуло домой. Мама расплакалась от радости и долго не выпускала сына из своих объятий. Отец пытался скрыть свои эмоции. Он был человеком обидчивым и упрямым. За обедом мужчина молча выставил на стол бутылку портвейна. В тот день сын впервые в жизни выпивал с отцом с его согласия.

– Уже совсем взрослый, – вздохнул отец после обеда, виновато улыбаясь и поглядывая на супругу. – Теперь ты сам решаешь, сынок, как тебе жить. Мы с матерью не указчики.

Вечером Олег вышел во двор, закурил и сделал вид, что бесцельно болтается возле подъезда, хотя на самом деле с нетерпением ждал, когда по какому-нибудь делу – вынести мусор или сходить в магазин – выйдет из своей квартиры Анютка. Полтора часа ожидания увенчались успехом, – видимо, до неё дошли его беспокойные флюиды. Одетая в красивое осеннее пальто песочного цвета, девушка вышла во двор выгуливать крохотного рыжего котёнка.

Настороженно взглянув на Олега, она вежливо поздоровалась и, увидев на его лице искреннюю улыбку, улыбнулась в ответ, отчего её зеленовато-голубые глаза затеплились тихим как пламя свечи огоньком.

«... Свеча горела на столе, свеча горела...».

Юноша стоял, как зачарованный, смотрел на неё и глупо улыбался.

– Давно тебя не было видно, – обронила девушка, выводя его из смущения.

И Олегу вдруг захотелось прокричать ей, что он видел её совсем недавно, рассказать о том, какие удивительные мгновения счастья он испытал, стоя у её окна, какие чувства пробудила в нем тихая домашняя девочка, сидящая за книгой при свете настольной лампы. Однако он не посмел выдать себя. Немного смущаясь, ответил:

– Курсантская жизнь, наряды, казарма...

А затем неожиданно прибавил:

– Мы живём с тобой в одном доме с самого рождения, а я только сегодня разглядел, какие у тебя красивые глаза.

– Анютины? – рассмеялась она звонким смехом и, подхватив котёнка, убежала назад в подъезд.

Олег успел заметить, как её нежное светлое личико слегка покраснело.

Курсантская жизнь снова затянула юношу в работающие, как часы, дисциплинарные механизмы. За скверное поведение курсант Гапонов был лишен увольнений на три месяца: не вылезал из камбуза, перечистил вагон картошки. Стоял на тумбочке, засыпая стоя, как боевой конь Александра Македонского Буцефал; топил углём кочегарку вместе со старшекурсниками; и в конце концов то нежное ностальгическое чувство приятной грусти, которое он испытал, стоя ночью у Анютино́го окна, куда-то исчезло, растворилось во времени. Всё-таки он вырослел...

С тех пор прошло много лет. Олег давно переехал жить в другое место; дважды женился, и оба раза – неудачно; его воспоминания о курсантской доле и о светлолицой девушке Анютке окутаны многослойным покрывалом новых жизненных впечатлений. Уже и ничем не объяснимая осенняя хандра перестала навещать его ностальгией по чему-то тёпловому, уютному и родному. Так называемое взросление, очевидно, сопровождалось притуплением чувств. Однако, стои-

ло мужчине настроить душу на ностальгическую волну и попытаться оживить хоть одно светлое воспоминание юности, как перед его мысленным взором всплывала нежная хрупкая девушка, сидящая перед книжкой в тёплом янтарном свете настольной лампы, и, точно снежинки, падающие на окна, ронялись в его душу волшебные слова поэта: «Мело, мело по всей земле во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела». И он чувствовал, что это яркое юношеское воспоминание ещё долго будет сопровождать его взрослую жизнь, меняя свою внутреннюю волшебную силу в зависимости от количества прожитых лет; и, кто знает, быть может, когда-нибудь оно выльется в глубокое и осмысленное молитвенное чувство.

Безотказная Верочка

Верочка работала в церковной лавке. Я охранял ее – и лавку и Верочку. Худенькая, одетая в старомодные платица, скромная девушка была настолько сострадательна чужому горю, что, порой, выскакивала из лавки, забыв запереть дверь на ключ, для того, чтобы догнать просившего у ограды нищего и подать ему хлеба или денег. Один раз мне пришлось охранять Верочку от шумной ватаги попрошаек, прослышавших о безотказной Верочке и явившихся к ней за подаванием. Верочка, порой, отдавала и свои деньги. А когда кошелек был пуст, брала из кассы и потом вносила из собственной зарплаты. К ней приходили занимать до пенсии все местные алкоголики. Она жалела и давала, а они часто забывали вернуть. Иногда я охранял ее от них. Повадились к ней приходиться и наркоманы. Давала и им. И мне приходилось уже охранять больше Верочку, чем церковь.

Когда ей было нечего подавать, она делилась с людьми словом. Специально выучилась для этого на курсах катехизаторов.

Однажды я спросил у нее, зачем она так безотказно всем помогает?

Она с улыбкой поманила меня в церковную лавку, вытащила толстый бумажный пакет, набитый тысячными купюрами, и ответила смущенно:

– Есть закон: рука дающего не оскудеет. Сегодня пришел незнакомый мне богатый мужчина и просил принять от него подаяние. Просил Христа ради. Разве ж я могу отказать?

Коммерческая жилка

Это было летом. Я стоял около церковной ограды тихого сельского старинного храма. Служба закончилась. Потекла вереница туристов. Местные власти решили развивать в регионе туристическую привлекательность, и старенький сельский храм превратился в объект коммерческого паломничества. Один из туристов – крепкий лысоватый мужчина, увешанный фотоаппаратами, – сразу понял, что я местный. И решил высказать мне свою идею.

– Послушайте, – сказал он с придыханием, пропуская вперед себя вереницу туристов. – У вас же здесь такая благодать. Вы же сами даже не понимаете, рядом с какими сокровищами живете. У вас – Волга, откос, тишина, дух божий. А воздух, какой? Да вы...

Вероятно, своим молчаливым киванием я дал ему повод разгорячиться.

– Вы не понимаете, сколько денег можете заработать на этом. Разверните рекламу, и к вам со всей России полетят. Ваше захолустье превратится в туристическую жемчужину.

– Вы из Москвы? – осторожно спросил я.

– Да, из Москвы. Поймите же! – продолжал он горячиться. – Вы на деньгах живете, а потом кричите – мол, в провинции нищета. Да у вас тут одна тишина и благодать чего стоят? Дух Божий!

– Мне кажется, что благодать и дух Божий уже удрали от нас, – ответил я с улыбкой. – Благодать Божья тишину и мир любит. А вы говорите о туристах-паломниках. Если сюда придут деньги, Бог унесет отсюда ноги.

Турист скептически усмехнулся и обреченно махнул рукой.

– Мда, – бросил он напоследок разочарованно. – Так и будете в нищете жить и коровьим навозом дышать. Нет в вас коммерческой жилки.

На святочной

После белого сухого был судак по-министерски. Потом плясали, дурачились, снова сели за стол. Под звездный коньяк подали свинину духовую в собственном соку. Кто-то из гостей пошутил: «свинина духовная», и все почему-то посмотрели на Сан Саныча, который тоже улыбнулся этой нелицеприятной шутке. Он был тучен.

Гуляли, как всегда – всем отделом. В святочную ночь в «Купеческом клубе». Весь отдел культуры городской администрации.

Нинка из бухгалтерии была в оранжевом платье с глубоким декольте. Наступал год петуха по китайскому календарю. Секретарша Оля пришла в разноцветном шелковом платье, чтобы соответствовать духу Китая. Она верила в феншуй.

Кажется, многие позабыли о том, что накануне праздновали Рождество Христово, которое к китайскому петуху не имеет никакого отношения. Просто продолжали гулять, и мало, кто помнил и думал о Рождестве и святках. Главное – повод.

Была еще дочка Нинки-бухгалтерши – Оксана из отдела туризма и спорта. Она выглядела соблазнительнее остальных. Сан Саныч плясал с обеими. По очереди. Начальнику позволено быть первым. Стол был обильный на закуску и пи-

тие. Местный прокурор стрелял глазами в их сторону из-за соседнего столика. Там сидели важные дамы – судьи со следователями. Но их за стол администрации никто не приглашал.

После коньяка и духовой свинины с Сан Санычем внезапно сделалось дурно. Он сильно опьянел и начал ругаться.

– Мать вашу! Мы что празднуем? А? Рождество? Или Новый год? Если рождество, то кто родился? Чьи именины? А? Хочу именинника увидеть, мать вашу! Пусть придет и сядет за стол. Хочу, чтобы меня в моем доме уважали!

– Именинник-то Христос, – робко вставила Ниночка.

– Так подайте сюда Христа! Пировать с ним буду.

Прокурор ринулся успокаивать начальника отдела культуры, но тот не унимался.

Ресторан «Купеческий клуб» находился рядом с администрацией, и с улицы было видно, как гуляют богатые клиенты.

Снова плясали, и снова было плохо Сан Санычу – печень. И как только он оборачивался глазами к окну, то видел прилипшее к стеклу озябшее личико ребенка. Мальчишка был худенько одет и на морозе бледен. Но глаза! Глаза были наполнены такой ангельской чистотой, что Сан Саныч не выдержал.

– Посмотрите на окно, – закричал он гостям. – Видите этого мальчишку? Официант, немедленно приведите его сюда и накормите! Мать вашу.

– Там никого нет, – шепнули ему сразу несколько.

– Как же нет? Я-то вижу. Вот же он держится своими ручонками за решетки на окнах и смотрит прямо сюда. Прямо в сердце глядит, постреленок. Скорее за ним. Хочу, чтобы накормили мальчишку.

Охранник заведения выскочил на улицу и вернулся ни с чем.

– Нет там никого, – пробурчал он. – Все дети давно спят.

– Да нет же. Вот он. На меня смотрит, – ошалело ринулся к стеклу Сан Саныч. – Ты кто? – закричал он. – Заходи сюда. Погрейся. Ты озяб? Ответь же мне! Ответь! Ответь! Ответь! Не мучай!

В ту ночь с начальником отдела культуры сделалась горячка.

Я дежурил всю святочную неделю в первой клинической и принимал столь важную персону.

Когда я отводил его на отделение, Сан Саныч озирался по сторонам и с кем-то разговаривал. Обещал что-то поправить. Но не уточнял, что. В отделении санитары приняли гостя ласково и отвели в отдельный бокс. Позже медсестра сделала ему укол, и он заснул с улыбкой младенца.

Миссия

Ночь была тихая морозная лунная. Снег хрустел так, что мне было слышно идущего по ночному городу за пять кварталов от больницы – несмотря на то, что я находился в приемном покое, в кресле, дремал. Выспаться на дежурствах никогда не удавалось, потому что сон был прозрачный – как бы между состояниями бодрости и дремоты. И сон видишь, и все чувствуешь вне этого сна.

Примерно в три часа ночи в дверь позвонили. Я побрел открывать, зная, что в такое время обычно привозят либо очень буйных пациентов, либо социально опасных – с преступными идеями в голове. Не так давно один шизофреник, который усыпил бдительность психиатров тем, что целый год в больнице писал любовную лирику, вышел на каникулы домой и первой же ночью затаился во внутреннем дворике, дождался ночного обхода и «одарил» своего лечащего врача-женщину выстрелом новогодней хлопушки в лицо. Видимо, считал, что у него не игрушка, а дробовик. Потом только выяснилось, что весь год у больного в голове тикали часовые механизмы мин и повсюду пахло трупами. Его потом отправили в спецбольницу, а женщина, оправившись от шока, стала заведующим отделением. Главный врач решил повысить ее в должности.

В этот раз дежурная бригада скорой помощи доставила

в первую клиническую бывшего психиатра. В моей практике санитаря приемного покоя это было впервые. Сумасшедший психиатр. Я, конечно, слышал о том, что всякие страсти заразительны, что можно под влиянием какого-нибудь буйного рок-концерта обернуться человеком толпы и пойти вместе со всеми крушить витрины магазинов. Страсти заразительны, если не иметь иммунитета. Но тут – дипломированный врач-психиатр. Причем, знакомый тому доктору из бригады скорой помощи, которая его привезла в больницу.

– Вчера еще сняли его полицейские с троллейбусного маршрута, – проговорил Куницын, заполняя направление в стационар. – На мосту троллейбус резко свернул направо и пробил ограждение. Чудо спасло людей от падения в Волгу на лед. Трупов было бы не меньше полсотни. А за рулем был наш уважаемый коллега Максим Петрович.

Высокий худой манерный мужчина средних лет невозмутимо улыбался, положив ногу на ногу. Он как будто свысока поглядывал на всех нас.

Санитары бригады скорой вышли на улицу покурить.

– Куда его оформлять? – спросил я.

– Только на первое. Есть места?

– Есть.

Я позвонил Елене Сергеевне, дежурившей ночью по больнице, она дала добро на первое. В архиве я нашел историю болезни бывшего психиатра и стал ее заполнять.

– А как же его допустили до вождения общественного

транспорта? – спросил я у Куницына.

– Так у него ж связи. Старые связи остались. Разве бывшему психиатру сложно поставить печать в справке о нормальном психическом здоровье?

Я покачал головой. «А если бы троллейбус рухнул? А если бы в нем ехала моя жена?» – подумалось мне.

Больной психиатр пристально в меня вглядывался. Словно ожидал вопроса.

– Зачем вы это сделали, Максим Петрович? – наивно спросил я.

Он оживился, демонстративно поправил черный носок на левой ноге, а белый на правой, потом попросил спичку, надломил ее и дал мне.

– Не понял, – ответил я. – Что это означает?

– Вы не понимаете очень простой вещи. Все, что с нами происходит, это происходит только у нас в голове. Я сломал спичку. Что, по-вашему, произошло? Только то, что я сломал спичку. На самом деле, от этой сломанной спички пошла цепная реакция, которую мы не видим. А если бы мы увидели, то непременно стали бы делать только те вещи, которые имеют осознанные последствия. Так и с троллейбусом. Если бы я его столкнул, тогда полностью была бы решена проблема голода во всем мире. Понимаете?

Я покачал головой.

– Вы хотели спасти человечество? – удивился я.

– Ну, конечно! – воскликнул больной и начал возбужден-

но ходить по комнате. – Вы не даёте мне совершить жертву Христову. Вы все наймиты у сатаны. Я хочу на свободу. И я это сделаю.

Максим Петрович резко дернулся в сторону двери, но уперся в двух санитаров, которые курили на улице.

Он вернулся, обмяк.

– Ладно, нехристи, ведите в наблюдательную палату. Не хотите избавить мир от голода? Дело ваше. Мое – ждать.

С этими словами он рассмеялся как ребенок. А я подумал: «И ведь найдется когда-нибудь такой миссионер, который решит спасти человечество от голода, уничтожив для этого ...пару миллионов людей». И все довольно логично: меньше людей, меньше голодных.

Совестливая чупакабра

В нашем районе завелась чупакабра – таинственный зверь, которого никто никогда не видел. Следы от его лап – человеческие, а чутье и голод звериный. В прошлом году чупакабра наведалась в дачный поселок. Дачи охранял сторож с собакой. Сторожевого пса украли и съели в лесочке неподалеку. Дед Василий плакал, когда обнаружил останки своего любимого Дружка. Следы невидимого зверя вели в противотуберкулезный диспансер. У входа в один из корпусов, где лечились люди с открытой формой болезни, они обрывались. Полиция не стала возбуждать уголовного дела. Но дачники не на шутку переполошились. Зимой их домики были без защиты. Надежды на охранника, у которого украли сторожевого пса, не было. Каждый сам изобретал способы сохранить дачи от набегов страшного зверя. Люди ставили металлические двери, приваривали решетки на окнах, раскидывали по дому капканы на хищных зверей, надеясь хитростью изловить животное. Какой бы умный не был зверь, человек все равно умнее. Однако все ухищрения людей были тщетны: приходила чупакабра, вскрывала решетки, снимала двери с петель, разрывала клетки с кроликами, и никто никогда ее не видел. Зверь оказался хитрее людей. Прежде, чем организовать очередное нашествие на дачи, чупакабра вырывала с корнем все видеорекамеры, которые устанавлива-

ли состоятельные дачники, брала «свое» и уходила дерзко, на прощание оставляя следы на снегу, похожие на человеческие. Мифы о неуловимом звере дошли до Тамары Степановны, у которой была скромненькая дача в центре поселка. Пенсионерка не могла позволить себе видеокамеры или железные двери. Она помолилась Николаю Угоднику, поставила на стол в комнате дачи бутылку водки, закуски нехитрой и написала слезное обращение к таинственному зверю:

«Уважаемая чупакабра, если у тебя есть совесть, то, пожалуйста, не грабь мою дачу. Я больная старая женщина. Пенсионерка. Концы с концами едва свожу. Вот тебе бутылка водки и закуска. Выпей, ради Христа. Если не хватит закуски, загляни в погреб. Есть малосольные огурцы и две банки капусты. Больше ничего нет, ей Богу. Ты прости меня, чупакабра. Знаю, что твое житие-бытие страшнее моего. У меня хоть пенсия есть. Маленькая, конечно, не забалуешь. Отдашь за коммунальные услуги да в церкви свечки купишь, подашь кому милостыньку, и хоть самой побирайся. Поэтому ты выпей, закуси с Богом, но домик не трогай. Дачкой этой живу».

Тамара Степановна даже не стала домик на замок запира-ть. Понадеялась на Бога.

Соседи по дачам посмеивались над ней, крутили у виска пальцами.

– Блаженная.

А между тем, на Рождество случилось чудо. Чупакабра

разорила тридцать девять дачных домиков из сорока, а один не тронула. Бутылку водки Тамары Степановны опорожнила, закуску съела, но, более, ни к чему не прикоснулась. Только соседние дачи подверглись нашествию.

Но это было в последний раз. На Крещение прокатились слухи о том, что чупакабра сама явилась в полицию и написала чистосердечное признание. Так, говорят, подействовала на нее слезная записка блаженной.

Вор в медицинском учреждении

Дежурство начиналось спокойно. Приняли двух пациентов. Один поступил с утра. Шизофреник, который придумал вечный двигатель, состоящий из колеса обозрения с пластиковыми люльками. «Чертово» колесо должно было находиться наполовину в воде и вращаться за счет взаимодействия двух сил: тяжести воды в люльках и выталкивающей силы тех же люлек из воды. Все гениальное просто.

Больного привезла скорая помощь из центра города, где изобретатель отбивался от представителей американской разведки, намеревавшейся выкрасть у него тайну государственной важности. Очевидно, люди, включенные в бред больного, как переодетые шпионы, до последнего не признавались в тайных умыслах, потому и были внезапно и дерзко атакованы тщедушным очкариком. Сам гений получил задачу – сила действия должна быть равна силе противодействия. Закон физики. Судя по двум свекольным синякам под глазами и треснутым очкам, случайные персонажи этой трагикомедии отыгрывались на физиономии героя, как минимум, в четыре руки.

Второй пациент был физик-ядерщик, который научился выделять из своей плоти куски отработанной энергии – вытаскивал атомный шлак из ушей, из иных органов тела, складывал все в свинцовую тару и относил в государственные

учреждения. В обед его доставили в первую клиническую на полицейской машине.

А вот ночью спокойный режим дрогнул. Дежурный врач обычно спал у себя в отделении, а я, санитар приемного покоя, раскладывал старое кресло и подремывал в нем, ожидая звонка в дверь. Ночью редко кого привозили.

Стояли Крещенские морозы. Днем медсестра тайком налила мне пузырек чистого медицинского спирта, который полагался для обработки мединструментов. Не обделила и себя. Подмигнула мне, – мол, Господь не выдаст, свинья не съест, – и пожелала спокойного дежурства. Впрочем, мы это и за кражу не считали. Так – дополнительный продуктовый паек за сложные условия работы.

Вечером я пил чай пил с ложкой спирта – для согрева. Мне было уютно и тепло в маленьком помещении приемного покоя. Снилось что-то приятное. Неожиданно в дверь стали барабанить. Я проснулся и пошел смотреть через глазок, какого лешего принесло в такую стужу.

– Открывай! Замерзнем! – услышал я знакомый голос врача скорой помощи Куницына. – У тебя звонок на морозе застыл.

Я открыл дверь и впустил врача, двух санитаров и седоватого бойкого старичка, одетого в приличную дубленку, клетчатую рубашку и джинсы. Волосы у него были до плеч, и вообще он производил впечатление интеллигентного человека.

– Позвонили из ночного супермаркета, – сказал Куницын,

делая знак санитарам, чтобы они дожидались его у машины. – Сообщили, что один из покупателей вцепился в другого и требует привезти прокурора, потому что он, якобы, поймал крупного мошенника. Приехала полиция, а наш клиент стал объяснять им, что он художник, и что у него во время приступа болезни обостряется восприятие цветов и жестов. Он будто бы по одной золотой печатке и движению мизинца определил в постороннем покупателе крупного мошенника.

– Мошенник и есть, – проворчал старичок. – Птица высокого полета. Расстрельная статья. Иуда.

– Помолчи, Иванов, – нахмурился врач. – Приехали полицейские, проверили документы у якобы мошенника. Оказался известный в городе чиновник. Заместитель главы администрации.

– Говорю же, мошенник! – взорвался пациент. – Как только его печатку на мизинце увидел, сразу понял, кто этот тип.

– Иванов к вам часто попадает. На первое отправляй, – посоветовал Куницын. – Там он прописан. Все картины в больнице его золотых рук дело. Художник от Бога. Но... и наш клиент. Два-три раза в год обязательно в какую-нибудь передрагу влезет.

Я зашел в архив, отыскал историю болезни Иванова и стал оформлять. Позвонил дежурному доктору. Сергей Сергеевич спросонья пробубнил, что он не возражает против первого отделения, и велел мне самому проводить больного.

Куницын уехал. Я закрыл за ним дверь и подошел к ху-

дожнику. Старик весело смотрел на меня. Кажется, ему было привычно возвращаться в больничные пенаты. Меня разбирало любопытство.

Перед тем, как выдать ему пижаму и отправить в ванную, я придержал художника за рукав и, скептически улыбаясь, спросил:

– Ну, а обо мне, что вы можете сказать?

Он покосился на серый шерстяной джемпер, выглядывавший из-под белого халата, усмехнулся и коротко ответил:

– Вор в медицинском учреждении.

Я чуть не подскочил от удивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.